

КАК НАМ РЕОРГАНИЗОВАТЬ ЕГЭ?

Автор статьи убеждён: только неоднократное тестирование в различных формах позволит получить надёжную оценку учебных достижений учащихся.

Владимир Хлебников,
директор
Федерального
центра
тестирования,
кандидат
педагогических
наук

Единый госэкзамен имеет множество граней, в которых отражаются эффекты, им порождаемые. Неясны последствия ЕГЭ в системе образования, неясно, как они отразятся на жизни школ и учителей. Никто не знает, как сложатся взаимоотношения в миллионах микросистем «школьник — родители — учителя», как будут переплетаться субъективные и объективные, интеллектуальные и финансовые интересы всех заинтересованных лиц. Какой станет доля граждан России, получивших документ о полном среднем образовании, как, где и кем они смогут работать. Но совершенно очевидно, что ЕГЭ повлияет не только на образование, но и на социум, и прогнозировать эти последствия — наша гражданская обязанность.

Нет сомнений в том, что российская система образования нуждается в современных методах и средствах объективной оценки учебных достижений. Средства и результаты измерений учебных достижений необходимо использовать и для того, чтобы лучше функционировала система образования, и для управления системой образования, и при поступлении абитуриентов с сертификатами ЕГЭ в вузы. Последнее часто трактуется как повышение доступности образования. Это неправильное утверждение, так как при ЕГЭ повышается только **доступность подачи документов** в разные вузы страны. Но конкурс есть конкурс: если для абитуриента было недоступно качественное среднее образование, то высшее образование тоже будет недоступным.

ЕГЭ даёт слишком большой крен в сторону приёма в вузы. Это странно, так как из-за демографической ситуации впору ставить вопрос не о конкурсе, а о приёме в вуз всех желающих, как это делается в ряде стран: после первой же сессии выявятся студенты, способные или неспособные осваивать программу высшего образования.

За шесть лет (с 2001 по 2006 гг.) проведено шесть циклов ЕГЭ. Противники устали сопротивляться, а сторонников ЕГЭ успехи не очень-то и радуют. Достижения технологии ЕГЭ компенсируются неослабевающей критикой контрольных измерительных материалов (КИМ). Практическое внедрение результатов ЕГЭ осуществляется под жёстким административным прессингом со стороны Рособрнадзора и Рособразования и, естественно, под протекторатом Министерства образования и науки. А прессинг никто не любит.

Внедряемая схема ЕГЭ вызывает напряжение (а порой и протест) в среде учащихся, преподавателей и руководителей учреждений общего и профессионального образования. Преобразования, такие существенные и масштабные, как ЕГЭ, могут быть успешными только при поддержке **всеми** действующими лицами (школьниками, преподавателями, руководителями, управленцами) и при чётком плане реализации этих преобразований. В первую очередь это относится к организационной схеме, порядку финансирования процедуры и использования результатов. **По своим масштабам и спектру последствий ЕГЭ представляет собой не столько нововведение в сфере образования, сколько социальное явление.**

Действующая схема ЕГЭ **трудоёмка, дорогостояща и легко уязвима для фальсификаций.** Конструкция ЕГЭ и структура КИМов в принципе не позволяют достичь объявленных целей — одновременно получать оценки итоговой аттестации

и отбирать наиболее подготовленных, поступающих в вузы. В мире нет тестов нормативно- и критериально ориентированных одновременно.

Внедряемая схема ЕГЭ **монополизирует** механизм оценки знаний в школах и поступления в вузы и даёт безусловный импульс коррупции в стенах школ. Всякая монополия имеет следствием застой и деградацию.

Тезис о **многовариантности путей поступления в вузы** путём приравнивания результатов региональных олимпиад к высшим баллам ЕГЭ никого не может удовлетворить, так как число победителей этих олимпиад составляет сотые доли процента от числа абитуриентов вузов (тем более, что материалы и процедуры олимпиад не стандартизированы). Нет научного обоснования процедуры приведения в сопоставимый вид результатов ЕГЭ и множества различных олимпиад.

Цель итоговой аттестации — достижение образовательного ценза, который должен быть определён на основании образовательного стандарта. Пока стандарта нет, оценки на итоговой аттестации выставляют на основе оценивания степени освоения учебных программ. Материалы ЕГЭ для этого не предназначены. Контрольные измерительные материалы представляют собой нормативно ориентированные тесты, которые хороши для отбора наиболее подготовленных поступающих в вузы. Для итоговой аттестации материалы ЕГЭ, строго говоря, не пригодны.

Надёжным считается результат, не изменяющийся при повторных испытаниях тем же методом или близкий к результатам других испытаний. Результаты ЕГЭ не могут быть признаны надёжными, так как с другими методами оценивания учебных достижений (централизованным тестированием) они не сравниваются. Не проводится мониторинг ожидаемых результатов ЕГЭ по различным субъектам Федерации, образовательным учреждениям и отдельным учащимся.

Погрешность оценивания результатов ЕГЭ должна оцениваться по мето-

дикам, разработанным или согласованным с признанными специалистами. Расчёты, выполненные в Федеральном центре тестирования, показали, что величина погрешности измерений по различным предметам существенно зависит от величины рассматриваемого тестового балла. В интервале от 40 до 60 тестовых баллов имеем минимальную погрешность, которая по различным предметам изменяется от 3 до 6 баллов. По мере приближения к наивысшим и наинизшим баллам величина погрешности увеличивается до 15 баллов. Очевидна необходимость выровнять и снизить погрешности измерений. Это определяет дополнительные требования к свойствам тестов и тестовых заданий, а также разработку и использование тестов различных уровней сложности (батареи тестов), обеспечивающих минимальную погрешность измерений в заранее указанном диапазоне тестовых баллов.

Информационная безопасность становится краеугольным камнем процедуры ЕГЭ. Основные риски связаны с доставкой, хранением и использованием экзаменационных материалов. Надо исключить при этом всякое участие структур, обучающихся школьников или проводящих ЕГЭ. Недопустимо, когда материалы ЕГЭ за 7–12 дней до даты экзамена поступают в региональные или муниципальные органы образования. Высокий статус результатов ЕГЭ вызывает повышенную заинтересованность. Уже существуют технологии, с помощью которых результаты ЕГЭ завышаются. Выявить случаи нарушения процедуры ЕГЭ крайне трудно, а санкций за нарушение процедуры пока не выработано.

За пять лет технология ЕГЭ отработана и с этой точки зрения дальнейший эксперимент бессмыслен. Казалось бы, эксперимент можно прекращать и вводить ЕГЭ повсеместно. Но! Вышло постановление Правительства Российской Федерации № 830 от 29 декабря 2005 г. о проведении в 2006–2007 гг. единого государственного экзамена. Эксперимент

продлён ещё на два года. А зачем? Смысл дальнейшего эксперимента не ясен. Забуксовал также процесс подготовки закона о ЕГЭ. Есть, таким образом, время ещё раз задуматься не столько о технологии ЕГЭ, сколько о потребностях в нем системы образования и о последствиях внедрения ЕГЭ в образовании и социальной сфере (вообще говоря, с этого надо было начинать).

Итак, каковы **основные руководящие указания по ЕГЭ?** В Послании Президента Российской Федерации весной 2004 г. говорилось о необходимости создать прозрачную систему приёма в государственные высшие учебные заведения России. И ничего более. В выступлениях бывшего министра образования РФ — зачинателя ЕГЭ — постоянно говорилось о создании равных прав учащимся разных регионов при поступлении в вузы. Этот тезис и до настоящего времени — основной. Но слабоват тезис! Если уж и говорить о равных правах при поступлении в вузы, то надо эти права обеспечивать не только равным экзаменационным отбором: надо обеспечить **равные возможности для получения образования**. Кто знает, какова доля учащихся наших школ, в которых не хватает учителей? В сельской местности не редкость, когда один учитель ведёт несколько предметов.

Кто оценивает качество работы учителей, обеспечивают ли они равные возможности для получения знаний? Насколько отличаются знания учащихся в разных регионах и населенных пунктах и почему? Насколько отличаются условия для получения образования учащихся разных школ и в чём причины разных результатов? Да и где они, эти результаты, кто их видел? Учителя сами учат, сами ставят оценки. О какой объективности и справедливости в таком случае может идти речь? В стране давно **нет норм оценок**, т.е. нет критериев для выставления оценок «2», «3», «4», «5». Каждый учитель ставит ту оценку, которая, как ему кажется, соответствует знаниям ученика. У каждого учителя собственные крите-

рии. Очень часто при этом ученик, переходя из одной школы в другую, из хорошо успевающих может попасть в разряд неуспевающих и наоборот. Таких примеров множество. Россия имеет одну из самых примитивных в мире образовательных статистик, из неё о нашем образовании невозможно понять ничего! Стало оно лучше или хуже? Насколько? И почему?

Нормы оценок нужны для практической работы. Разовый контроль на уровне итоговой аттестации (ЕГЭ) делу мало поможет. Надо **обеспечить чёткое функционирование процесса получения знаний**. Известно, что он состоит: из подачи знаний от учителя к ученику, получения отклика от ученика, оценивания этого отклика, корректировки подачи прежней информации, подачи новой информации и т.д. Текущее оценивание отклика и подача материала — основные элементы обучения. Если допустить, что изучаемый материал учителя знают и могут с большим или меньшим успехом его доступно изложить, то при оценивании отклика ученика на изложенный материал — полный произвол: учитель ставит оценку, какую захочет. В зависимости от своих предпочтений он формирует мнение об уровне учебных достижений ученика. Государственного контроля за процессом обучения нет, отсюда нет гарантий в качественном обучении и нет равных прав на получение образования.

Да и что это за **архаичная пятибалльная система оценивания?** Оценку «1» не ставят никогда. Оценку «2» ставят очень редко; фактически у нас трёхбалльная система оценивания («3», «4», «5»). Шкала оценок сужается, очевидна тенденция перехода троечников в хорошисты, так как все знают, что отметка «3» очень часто — завуалированная двойка. Отметка «5» привлекает внимание, ученик с такой отметкой на виду, поэтому учителю проще и спокойнее выставлять четвёрки. При этом все будут довольны — и ученики, и родители, и начальство. **Пятибалльная система оценивания уже давно переродилась**

Чему учить детей?

Александр Тубельский,
генеральный директор НПО
«Школа самоопределения» (г. Москва),
заслуженный учитель РФ, президент
Ассоциации демократических школ России

В российском обществе нет пока согласия в таком, казалось бы, простом на фоне прочих бед вопросе: чему учить детей?

Заметим, что в одной из самых стабильных стран мира — Австралии за десять лет (!) десять общественных комиссий разных штатов смогли согласиться только с десятью единими императивами для юных граждан. Но в них ни слова нет об обязательности освоения детьми закона Ома, определения ланцетника или дат начала и конца какой-нибудь войны. Зато там есть другое, более принципиальное: **национальными стандартами провозглашено, во-первых, умение работать в группе, во взаимодействии с людьми. Способность понимать чувства другого. И ещё важнейший навык самодисциплины, управления собой: от выдвижения цели до получения результата.**

Ничего похожего нет в наших проектах учебного стандарта, который может вскоре обрести силу закона. И тогда каждый выпускник сможет отрапортовать, что «Евгений Онегин» — это роман о жизни русского дворянства, а особенностью климата Индии является большое количество выпадающих осадков. Всего-то и нужно — поставить галочку напротив нужного ответа в бланке стандартного теста. И тут же забыть, поскольку совершенно непонятно, что с этим казённым знанием делать человеку. Как при таком стандарте раскрывается его индивидуальность? Может быть, напротив, глушится уникальность личности, само желание быть личностью, а в крайних случаях даже и просто — желание быть?

Но это уже отдалённые последствия...

Прошлым летом в Нью-Йорке, на Всемирном конгрессе демократических школ, мне подарили целую россыпь нагрудных значков. На одном написано: «End the TESTS!» («Остановите тестирование!»). В другом утверждается:

в трёхбалльную и продолжает сужаться до однобалльной. Искривляется информация об истинных учебных достижениях учащихся. Школьники, родители, учителя настроены на одни результаты, а **если на ЕГЭ выявляются другие результаты, то поделаться что-либо уже поздно.** В этом основная причина неприятия ЕГЭ в школах. ЕГЭ не обеспечивает равные возможности для получения образования и поступления в вуз. Школьники заблаговременно корректируют свои знания вне государственной системы образования за счёт родительских денег с репетиторами и на подготовительных курсах в вузах. Конечно, возможна самостоятельная проверка с помощью публикуемых образцов контрольных измерительных материалов для ЕГЭ, других тестов. Но это опять же, как правило, вне государственной системы образования.

Гарантию качества должен давать не итоговый контроль, а хорошо продуманный процесс обучения. Кстати, этого же требует, причём во всех областях деятельности, и международный стандарт ISO-9000.

В процессе обучения ключевой становится проблема текущего оценивания. Очевидно, что российская система образования давно должна перейти от архаичной пятибалльной (фактически трёхбалльной) системы оценивания к более расширенной, скорее всего, десятибалльной — такова тенденция во всё большем числе стран. Пора бы и России это заметить. Такой переход, очевидно, должен сопровождаться введением хорошо продуманных норм оценок. В идеале нужны не общие («резинковые»), а детализированные нормы оценок по каждому предмету, классу, изучаемой теме. По каждой теме должны быть указаны требования к знанию материала и практическим умениям (навыкам) для выставления отметок от 0 до 10. Это большая работа! Её выполнение сделало бы честь Российской академии образования. Надёжная текущая оценка знаний полезна для учеников и крайне необходима для обоснованного управления образованием. Ожидаемые в итоге обучения результаты будут значительно более надёжными и объективными. В принципе должны быть **исключены ситуации, когда разовая акция, вроде ЕГЭ, узаконивает любые результаты без учёта десятилетней истории обучения в школе.**

Итак! ЕГЭ не является гарантом равных прав поступления в вузы, права необходимо обеспечивать на всем процессе обучения, необходимо продумать и внедрить систему текущего оценивания учебных достижений. Здесь непочатый край работы и безграничное поле деятельности для учёных и руководителей всех уровней. Общественная поддержка такому движению гарантирована.

Очевидно, что пока не учитываются потребности системы образования и последствия введения единого госэкзамена в социальной сфере.

ЕГЭ — это единая технология и единые экзаменационные материалы для выпускников всех школ страны. Это можно

сравнить с тем, что по всей стране строили бы здания одной и той же конструкции, издавали бы одну газету, имели бы только один телеканал. Очевидно, что в общественной жизни такая унификация невозможна, вместо развития будут застой и деградация.

Не будем говорить о контрольных измерительных материалах ЕГЭ. Это тема для отдельного разговора. Поговорим о некоторых аспектах наиболее сильного элемента ЕГЭ — его технологии.

Поразительно, что при всей массовости и значении процедуры **ЕГЭ за её результаты никто не отвечает**. Директор в школе отвечает за результаты, записанные в аттестате зрелости. Ректор вуза отвечает за результаты проводимых вузом вступительных испытаний. А за результаты ЕГЭ не отвечает никто. Результаты ЕГЭ утверждает председатель государственной экзаменационной комиссии (ГЭК). Это примерно так же, как если бы их утверждал губернатор региона. Что собой представляет ГЭК? Это временный рабочий орган, сформированный практически на общественных началах. Члены ГЭКа, как правило, — крупные региональные руководители, у каждого из них есть своя основная, очень серьёзная работа, и глубоко вникать в разовую акцию ЕГЭ у него нет ни времени, ни сил.

Очевидно, что конструктивно управлять ЕГЭ никакой ГЭК не может. ГЭК может только обозначать контроль и утверждать результаты. Никакого члена ГЭК за недостатки и упущения при проведении ЕГЭ с работы не снимут и выговор ему не объявят.

Несколько больше ответственности возложено непосредственно на лиц, организующих и проводящих ЕГЭ в регионе. Административную ответственность за проведение ЕГЭ они несут, теоретически им могут объявить выговор или понизить в должности — но это за процедуру проведения ЕГЭ. А за результаты, повторяю, никто не отвечает. Представьте, как это удобно для злоумышленников, для них ЕГЭ — просто рай! Злоумышленники всегда были, есть и будут, их число пропорционально мотивации получения высоких результатов ЕГЭ. А о мотивации будут думать родители участников ЕГЭ. Если результаты ЕГЭ будут обязаны принимать все вузы России, практически каждая российская семья упрётся в проблему получения как можно более высокого результата на едином экзамене. В стране, которая, по заявлениям СМИ, сверху донизу пронизана коррупцией, наивно ожидать, что такая акция, как ЕГЭ, при отсутствии ответственности исполнителей всех уровней, позволит получить объективные и надёжные результаты. Какие бы хорошие инструкции по проведению ЕГЭ не сочинялись бы, ясно: над их созданием думают десятки людей, а над тем, как их нарушить, будут думать десятки тысяч. Результат такого противоборства очевиден. Яркие факты уже есть.

И не случайно, что результаты ЕГЭ не используются для аттестации образовательных учреждений и педагогов. Есть очень много странных и значительно отличающихся результатов ЕГЭ в разных регионах; разительно отличаются друг от друга

мой мальчик личность, а не... Далее воспроизведён обычный товарный штрих-код. 15-тысячная демонстрация против стандартизации школ проходила недавно в Чикаго, а ведь тесты там ещё только собираются внедрять.

У нас до демонстраций дело пока не дошло, но уже третья попытка построить всех детей по одному ранжиру встречает не отдельно взятые сомнения, но шквал сокрушительной критики в средствах массовой информации. Я понимаю: трудно внести изменения в главный закон страны, но почему не наложить мораторий, по крайней мере, лет на десять, на утверждение любых образовательных стандартов? А за это время посмотреть, усваиваются ли они детьми? Помогают ли выстроить свой путь, карьеру; стать участником того, что сейчас принято называть действующей демократией? И главный, на мой взгляд, вопрос: разве демократическое, открытое общество, которое мы провозгласили в Конституции, должно состоять из людей, имеющих одинаковые ответы на одинаковые вопросы?

Часто говорят: да, но стандарт — это залог единства образовательного пространства, это **право на обязательный минимум**. А разве уже сама обязательность пребывания детей в школе не ограничивает ребёнка в его правах? И что делать с миллионами детей, которые, несмотря на все усилия моих коллег, никак не могут этим минимумом овладеть? Переводить в другую школу? Открывать образовательные резервации для «глухых»?

Стрельба в американских классах, демонстрации французских лицеистов, пожары по инициативе детей в наших школах — всё это явные знаки протеста против «одинаковости», насаждаемой в учебных классах.

И, наконец, если уж так нужны эти злосчастные стандарты, давайте обсудим вместе с родителями, бизнесом и педагогами ряд элементарных требований (стандартов) и к государству («Тёплый туалет в каждой школе»), и к Службе знаний: «Не кричите на ребёнка», «Умейте выслушать и откликнуться на мнение ученика», «Не ставь двоек малышу».

Одинаковых людей от рождения нет, не бывает. Но их можно сделать. Где? В школе. Мы этого хотим? ■

результаты ЕГЭ и независимого централизованного тестирования, которое по массовости соизмеримо с ЕГЭ.

При существующей технологии вмешаться в процедуру ЕГЭ в принципе можно, причём множеством способов. После того, как материалы ЕГЭ поступают в субъект Федерации, контроль за ними со стороны центральных органов невозможен. Хранение, перемещение и использование материалов ЕГЭ целиком на совести региональных и муниципальных органов

управления образованием, руководителей и исполнителей в пунктах проведения ЕГЭ и предметных комиссиях. Контрольные измерительные материалы ЕГЭ регионы заказывают с большим избытком, а контроль за их остатками слабый. Не проблема заполнить нужным ученикам бланки ответов до или после экзамена: ведь все материалы ЕГЭ до и после экзамена находятся в одних руках. Инспектирование проведения ЕГЭ в пунктах проведения экзамена чисто символическое.

Экспертная оценка надёжности технологических процедур при подготовке и проведении ЕГЭ (за базу принята надёжность работы ЦТ = 1,0)

Учреждение	Функция	Экспертная оценка надёжности
1. Центр тестирования	Подготовка экзаменационных материалов (ЭМ)	1,0
2. Главное управление образования субъектов (ГУ)	2.1 Доставка ЭМ из ЦТ	0,8
	2.2 Хранение ЭМ в ГУ	0,9
3. Муниципальные органы управления образованием (МОУЭ)	3.1 Доставка ЭМ из ГУ	0,7
	3.2 Хранение ЭМ в МОУО	0,8
4. Пункты проведения ЕГЭ (ППЭ)	4.1 Доставка ЭМ в ППЭ	0,7
	4.2. Использование ЭМ в ППЭ	0,5
5.	Доставка заполненных бланков	
Пункт первичной обработки информации (ППОИ)	5.1 регистрации	0,9
Региональный центр обработки информации (РЦОИ)	5.2 бланков №1	0,6
6.	Обработка заполненных бланков	
ППОИ	6.1 регистрации	0,8
РЦОИ	6.2 бланков №1	0,6
7. РЦОИ; предметные комиссии (ПК)	7.1 Доставка бланков №2	0,7
	7.2 Обработка бланков № 2	0,5
8. РЦОИ	Передача данных в ЦТ	1,0
9. Центр тестирования	Обработка результатов ЕГЭ	1,0
10. Центр тестирования	10.1 Печатание свидетельств	1,0
	10.2 Доставка свидетельств в регионы	1,0

Из таблицы видно, что самая низкая надёжность при проведении непосредственно процедуры экзамена и при обработке бланков № 2, т.е. там, где в процесс оценивания вмешивается человек. Именно здесь необходимо прикладывать основные усилия, чтобы повысить надёжность ЕГЭ. К сожалению, управляющая

структура значительные средства вкладывает в обеспечение информационной безопасности в Интернете, где риски минимальные.

По результатам ЕГЭ уже есть факты, когда в некоторых сельских районах до 85% участников ЕГЭ получают отличные отметки по математике! А выдающиеся

результаты по русскому языку (много выше, чем в Москве и Санкт-Петербурге) показывают в сельских районах российской глубинки. Возникает вопрос: каким образом при существующем финансировании, материальном обеспечении, кадровом составе и заработной плате учителей были получены такие чудесные результаты?

Не проводятся мониторинговые исследования и нет представления о том, какие результаты реально можно ожидать от тех или иных регионов, районов, типов образовательных учреждений. О том, как корреспондируются результаты ЕГЭ с финансированием системы образования, кадровым составом и заработной платой учителей в регионах, нет никаких сведений. Такая информация совершенно необходима для управления и повышения авторитета ЕГЭ. Управляющая структура такие данные должна собирать, анализировать и публиковать.

Расплывчатый статус участия выпускников школ в ЕГЭ позволяет объяснять любые казусы. В одном регионе на ЕГЭ пришли якобы исключительно подготовленные выпускники, поэтому там и высокие результаты. А в другом регионе на экзамен по тому же предмету пришли якобы исключительно неподготовленные выпускники, поэтому там очень низкие результаты. Ясности никакой.

ГЭК утверждает любой результат.

Повторимся — в коррумпированной стране при почти полной безответственности исполнителей единый экзамен даёт якобы абсолютно достоверный результат!!! Кто в это поверит?

Отчётливо прослеживается следующая тенденция. Органы управления образованием субъектов Федерации всё чаще объявляют о том, что в их регионах участие в ЕГЭ по различным предметам осуществляется по выбору выпускников. При этом число предметов, по которым можно сдавать ЕГЭ, увеличивается максимално. Из-за непредсказуемости численности и качественного состава участ-

ников любые результаты ЕГЭ удовлетворительно объясняются. Никаких выводов о качестве среднего образования сделать невозможно. Управленцы довольны.

Зато вузы в таких субъектах Федерации обязаны принимать результаты ЕГЭ (первой или второй «волны») полностью. Даже если число выпускников, принимавших в июне участие в экзамене по выбору, будет ничтожно мало, для вузов такое ЕГЭ является стопроцентной реальностью: они обязаны проводить в июле вторую «волну» для всех поступающих.

Отметим, что в менталитете российского ученика и учителя подсказка — совершенно обычное дело. Делается подсказка молниеносно, а зафиксировать её трудно. И если учесть, что в помещения, в которых проводится ЕГЭ, посторонних не пускают и там присутствуют только свои, то нетрудно понять, что организовать подсказку не слишком сложно. В регионах создаются технологии оказания помощи при проведении ЕГЭ: здесь и специально подобранные составы участников ЕГЭ в отдельных аудиториях или пунктах приёма экзаменов, и преподаватели-предметники в якобы закрытых и опечатанных аудиториях, и средства связи и т.п.

Неэффективным представляется создание общественных наблюдателей при проведении ЕГЭ. Наблюдателем может быть каждый желающий, который заверит, что в инспектируемом пункте проведения ЕГЭ среди экзаменуемых нет его родственников. А знакомых? А детей знакомых? Почему общественные наблюдатели тратят силы и время на ЕГЭ? Ясно, что посторонние в пунктах проведения ЕГЭ столь же недопустимы, как любопытствующие в хирургическом отделении.

Верхом нелепости стало внедрение технологии АИС «Экзамен». В соответствии с этой технологией каждый участник ЕГЭ получает не анонимные (со штрихкодом), а именные бланки ответов, на которых указаны его фамилия и место в аудитории. У организаторов на руках есть заблаговременно составленные списки, в которых указаны фамилии, места в аудитории и номера тестов, предназначенные для каждого участника. Очевидно, что при такой технологии возможны массовые нарушения. Если бы вступительные экзамены в вуз проводились таким образом, то без преувеличения можно сказать, что на ректора-«новатора» очень быстро было бы заведено уголовное дело. Наличие заблаговременно составленных списков экзаменуемых с указанием их фамилий, номеров билетов и мест рассадки есть безусловный криминал. Но в ЕГЭ такая технология усиленно продвигается, в 2005 г. она использовалась уже в десяти субъектах Федерации, в том числе в Москве и С.-Петербурге.

С учётом всего вышеизложенного, потеря объективности результатов ЕГЭ гарантирована и становится вопросом недолгого времени!

Используемая технология ЕГЭ должна быть в принципе изменена. Новая технология должна учитывать менталитет

Образование детей с ограниченными возможностями

Комплекс проблем, связанных с образованием в России детей с ограниченными возможностями здоровья, обсуждался на очередном заседании Российского общественного совета по развитию образования (РОСРО). В заседании (прошло в помещении московской школы № 142 под председательством ректора Государственного университета — Высшей школы экономики Я.И. Кузьмина) участвовали руководители министерств и ведомств, депутаты Государственной Думы РФ, члены общественной палаты РФ, преподаватели, представители образовательного сообщества.

Открывая заседание, Я.И. Кузьминов отметил, что проблема образования детей с ограниченными возможностями болезненна для любой страны. «Это не просто проблема техническая, экономическая, это в первую очередь проблема воспитательная и моральная. Система образования призвана прививать людям идеи гуманизма, и школа должна ставить проблемы сочувствия человека к другому человеку на иной уровень. Российская школа всегда имела огромный гуманистический потенциал, и наша образовательная наука отличается как раз тем, что она всегда уделяла большое внимание воспитательным аспектам школьного образования, вопросам педагогики. Обучение детей с ограниченными возможностями стало крайне неприятным испытанием для нынешней российской школы.

В России около пяти процентов детей с ограниченными возможностями в движении и ограниченными познавательными способностями. И та, и другая группы этих детей не находят достаточного доступа в российскую школу, не находят участия со стороны соучеников, в отличие от школ во многих странах мира. Когда идёт разговор о реформе российского образования, его модернизации, «необходимо нацеливать все новые обсуждаемые и разрабатываемые нормы, все ресурсные потоки на решение конечных проблем образования. И образование инвалидов в России становится неким оселком государственной политики в этой сфере».

Ректор ГУ-ВШЭ отметил, что в области образования детей-инвалидов есть перемены. Закон РФ «Об образовании» утвердил государственные гарантии гражданам с различными отклонениями и ограниченными возможностями здоровья, закрепив, в качестве основной гарантии, обязанность государства создавать этим гражданам нормальные условия для получения образования. В соответствии с действующим российским законодательством дети с ограниченными возможностями здоровья могут получать образование в общих классах системы общего образования,

и мотивацию всех участников процесса. Надо соотносить технические, организационные и финансовые возможности ЕГЭ со стремлением учащихся и их родителей вмешаться в процедуру и получить как можно более высокие результаты.

В странах СНГ (Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Азербайджан) акции, подобные нашему ЕГЭ, проводятся под жёстким контролем местных органов ФСБ. В России этого пока нет, да, наверно, это и невозможно: в каждом пункте проведения ЕГЭ (ППЭ) должно быть не менее десяти сотрудников ФСБ. В 2005 г. в России было использовано более 19 тысяч ППЭ, что требовало бы привлечения около 190 тысяч сотрудников (15 дивизий) ФСБ. Такими ресурсами страна не обладает.

Рассмотрим интересы в ЕГЭ органов управления образования и вузов. Руководители органов управления образованием зорко следят за отношением вышестоящих начальников: если за результатами ЕГЭ (плохими или хорошими) ничего не последует, тогда ЕГЭ совершенно безвреден. Единый экзамен стал современным вариантом городской контрольной работы, а опыт проведения таких работ у чиновников от образования огромный. Приятным дополнением стало то, что на проведение ЕГЭ из федерального и регионального бюджетов выделяются значительные средства, а распределяют их чиновники. Неудивительно, что чиновники — за такой ЕГЭ!

Их не смущает даже то, что в некоторых крупных субъектах Федерации до 40% участников ЕГЭ получают двойки на экзамене по математике. В среднем по России свыше 20% участников ЕГЭ уже имеют по математике «2». При обязательном введении ЕГЭ можно ожидать, что около 30% выпускников получают хотя бы одну неудовлетворительную отметку, а это означает, что такой выпускник не получит аттестата зрелости. У большой группы молодёжи будут проблемы с дальнейшим обучением и трудоустройством.

Руководители управлений общего среднего образования всё более склоняются к практике использования ЕГЭ как экзамена по выбору.

Ректоры вузов также обязаны исполнять приказы вышестоящих организаций. Они, конечно, понимают, что при введении ЕГЭ теряют контроль за качеством нового набора студентов, но возражать начальству чревато навлечением на свою голову неприятностей. Ректоры хотели бы избежать неприятностей и пробыть в должности как можно дольше. Деканы и заведующие кафедрами более близки к студентам и процессу обучения, они чаще негативно высказываются о ЕГЭ. Но решения принимают не они. В итоге вузы пассивно исполняют приказы о приёме результатов ЕГЭ в качестве оценок вступительных испытаний.

Вузы никогда не выступали с инициативой о введении ЕГЭ, существовавшая система набора студентов их вполне устраивала. Разговоры о коррупции при приёме в вузы должны подтверждаться фактами, с которыми обязана бороться прокуратура.

Радикально менять систему приёма в вузы без серьёзного обсуждения и подготовки, наверное, неправильно. Очевидно, что ЕГЭ ухудшает «качество» зачисляемых студентов, уничтожает систему профессионального отбора и резко ограничивает возможности преподавателей в создании собственных средств контроля знаний. Поэтому вузы неохотно, но всё же исполняют приказы об использовании результатов ЕГЭ. На парламентских слушаниях о ЕГЭ при весьма солидном составе участников (около 300 человек) практически все выступающие (в том числе из вузов и из регионов) говорили, что **ЕГЭ не должен быть единственным инструментом для отбора поступающих в вузы**. Вот такая деликатная, но единодушная позиция.

Итак:

Российская система образования имеет потребность в надёжных оценках учебных достижений. При их получении необходимо использовать современные технические средства и технологии. **Введение и использование новых технологий не должно оказывать негативного воздействия на процесс обучения и приводить к негативным последствиям в социальной сфере.**

Цели итоговой аттестации и приёма в вузы разные, а разные цели должны достигаться разными средствами: технологии и контрольные измерительные материалы итоговой аттестации и приёма в вузы должны быть разными. Объединение различных целей в одношаговой процедуре ЕГЭ научно не обосновано и неверно.

ЕГЭ не учитывает менталитет и мотивацию заинтересованных сторон (учеников, родителей, педагогов, руководителей органов управления и учреждений образования).

Надёжные и объективные оценки учебных достижений учащихся при существующей мотивации сторон, используемых средствах и объявленном статусе результатов ЕГЭ используемая технология подготовки и проведения единого экзамена обеспечить не может.

При таком ЕГЭ коррупция из вузов переходит в школы.

Надёжные и объективные данные об учебных достижениях учащихся можно получить только в процессе обучения (не менее чем за три года до итоговой аттестации), при использовании продуманного текущего контроля учебных достижений. Итоговая аттестация должна только подтверждать результаты, зафиксированные в процессе обучения. При несоответствии результатов обучения и итоговой аттестации необходима дополнительная и тщательная оценка учебных достижений таких выпускников. Исторический опыт показывает, что насильственное введение единственной социальной, научной, технологической и других систем приводит к деградации и застою. Только при наличии многообразных форм оценивания могут существовать жизнеспособные формы оценивания учебных достижений.

При конструировании больших систем с высоким статусом результатов совершенно необходимо учитывать менталитет населения, его интересы и мотивацию. Очевидно, что для

по индивидуальным программам специальных коррекционных образовательных учреждений. В России уже многие годы существует система специальных образовательных учреждений для обучения детей с нарушениями слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, тяжёлыми нарушениями речи. По закону детям-инвалидам первой и второй групп предоставляются льготы при приёме в техникумы и вузы. Тем не менее все ещё много детей лишены доступа к получению нормально-го образования.

Я.И. Кузьминов высказал критические замечания относительно системы детских домов и интернатов, поскольку дети с различными нарушениями, попадая туда, оказываются в изоляции от общества. Особую тревогу вызывает положение тех детей в интернатах, которых считают необучаемыми. Необходимо изучать опыт зарубежных стран, где хорошо поставлено образование детей-инвалидов: пора переходить от разговоров о гуманизме к реальным гуманистическим шагам.

Председатель Совета по гражданскому обществу и правам человека при Президенте РФ Э.А. Памфилова отметила, что в сегодняшнем российском правительстве даже нет полноценной структуры, ответственной за образование детей с ограниченными возможностями по здоровью. Об опыте ЮНЕСКО «Образование для всех» рассказал главный специалист по образованию ЮНЕСКО Дендев Бадрач. Первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Госдумы РФ О.Н. Смолин выступил с анализом нормативно-правовых вопросов организации образования для детей с ограниченными возможностями здоровья.

Участники заседания одобрили рекомендации «Доступность образования для детей с ограниченными возможностями здоровья и повышение его качества». В сегодняшних условиях, когда ситуация с образованием детей-инвалидов продолжает усугубляться, важной задачей становится внедрение и развитие в России интегрированного (инклюзивного) образования в системе общего образования детей с ограниченными возможностями. Преимущества инклюзивного образования: отсутствие дискриминации для детей-инвалидов, благоприятные условия для их скорейшей социализации. Рекомендовано включить вопрос о поддержке развития инклюзивного образования в повестку дня саммита лидеров «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге. Необходима также поддержка через систему грантов (конкурсов) просветительской деятельности, изменение отношения общества, родителей, школьников, сообщества учителей к системе инклюзивного образования. Должны быть разработаны примерные программы ранней коррекционной помощи для детей с ограниченными возможностями, примерные программы для детей с нарушениями в умственном развитии. Предлагается предусмотреть подготовку и переподготовку кадров для системы коррекционного и инклюзивного образования. ■

продвижения своих детей все родители будут объединены одной целью: получить как можно более высокие результаты испытаний. Только наивные люди будут верить в объективность результатов ЕГЭ. Родители станут использовать все возможные средства — служебные, родственные связи, коррупцию, и сметут все ухищрения монопольной технологии. **Только неоднократное тестирование в различных формах позволит получить надёжную оценку учебных достижений учащихся.**

Единый государственный экзамен не должен монополизировать технологию, контрольные измерительные материалы и статус результатов.

Необходимо взамен ЕГЭ вводить **единое государственное оценивание (ЕГО)**. При этом можно использовать различные технологии и контрольные измерительные материалы. Важно только, чтобы они были сертифицированы. Результаты испытаний с использованием различных технологий и материалов должны быть положены на одну шкалу. Это позволит привести в сопоставимый вид результаты вузовских вступительных испытаний, олимпиад, централизованного тестирования, ЕГЭ. Важно обеспечить надёжность процедуры: такой подход примирит позиции сторонников и противников ЕГЭ.

Единое государственное оценивание должно стать естественным развитием ЕГЭ. Это согласованная и непротиворечивая система объективной оценки учебных достижений учащихся, использование которой позволит принимать обоснованные управленческие решения в образовании и отбирать наиболее подготовленную молодёжь для получения высшего образования.

Основные принципы единого государственного оценивания (ЕГО):

1. Ученик должен иметь возможность **выбора времени, места и формы испытаний.**

2. Результаты, полученные при использовании различных форм испытаний, должны быть приведены в сопоставимый вид.

3. Жёсткая сертификация материалов и процедур различных форм испытаний.

Необходимо сформулировать жёсткие требования к технологии испытаний и контрольным измерительным материалам для **единого государственного оценивания.**

Результаты итоговой аттестации, согласованные с текущими оценками учебных достижений, можно использовать при приёме в вузы наравне с результатами ЕГО по решению учёных советов вузов.

На основании вышеизложенных идей необходимо разработать: концепцию ЕГО, техническое задание, технико-экономическое обоснование, рабочий проект, сформулировать рабочие гипотезы, определить систему контроля и надзора, способы и размеры финансирования, формы и порядок отчётности.

Исключительно важно предусмотреть **механизм саморазвития системы**, так как никакая предлагаемая администрацией технология не гарантирует её успешное внедрение без учёта интересов участников и их менталитета (прошлого опыта).

Устранить явные признаки бюрократической монополизации в организационной модели единого экзамена, сохранив наряду с ним другие формы независимой и объективной федеральной оценки учебных достижений учащихся, каким по факту (ещё до появления ЕГЭ) стало централизованное тестирование (ЦТ). Снять при этом противоречия между централизованным тестированием и ЕГЭ, обеспечив засчитывание результатов ЦТ по единой 100-балльной шкале. Необходимо создать технологию единого государственного оценивания при **свободе выбора учащимся места, времени и формы участия в процедуре.**

Необходимо публично представлять результаты централизованного тестирования для обсуждения широкой общественностью, внедрять общепринятые принципы международных ассоциаций тестологов: **доступность информации о материалах и результатах испытаний, её объективности и надёжности. И**